

Евгений Абдуллаев

Быть старым китайцем

Сложный год: выходит книга и окунается в тишину. Ни презентаций, ни вообще литературных сходов, где можно кому-то подписать-подарить. Если автор активен в соцсетях, он, конечно, потихоньку о ней возвещает. То обложку запостит, то отрывки какие-то. То адресок книжной лавки, где приобрести можно («...говорят, всего несколько штук осталось!»). Да-да, уже побежали...

Алексей Алёхин к этой категории не относится. Хотя четверть века только и занимался тем, что помогал стать услышанными чужим стихам.

Его новая книга вышла и окунулась в тишину.

И это, наверное, хорошо: она наполовину из нее сделана. Из тишины, из пауз.

Это тихая поэзия.

Лирический герой Алёхина — немногословный, неторопливый наблюдатель. Торопиться ему, собственно, некуда. Все равно не успеешь; да и зачем? Предыдущая книга Алёхина завершилась коротким стихотворением «Оставшийся пассажир»:

все зашли в XXI век

а я тут
стою один

и озираюсь

Это не жалоба и не декларация некой своей старомодности.

Это опыт отстраненного взгляда, *другого* взгляда. Даже если войти в «дивный новый мир» вместе со всеми, ничего бы не изменилось. Например, в стихотворении «Ной» из нового сборника — ситуация вроде бы противоположная. Ной — не оставшийся и не оставленный. Создал ковчег, спасся, спас ближних. И тем не менее.

сидит на холме
и смотрит вниз на замусоренную долину
в лужах и перевернутых камнях

в коричневой тюбетейке
в голубом бедуинском халате на голое тело
с догорающей сигареткой в жёлтых пальцах

седые поределые космы
треплет тёплый ветерок

слышен смех

Сим с Иафетом обнаружили игру
в монополию
в вытащенном из трюма рундуке

сидит и смотрит

«Они не понимают. Всё утонуло»

«В стихах Алёхина с читателем всегда говорит зоркий рассказчик», подметил Дмитрий Бак («Октябрь», 2009, № 5).

Насчет «зоркости» — абсолютно точно. Насчет «рассказчика»... Алёхин ничего не рассказывает — он смотрит и думает. Это очень визуальная поэзия, хотя эта визуальность не имеет ничего общего

с замороженностью видимым, с фотографическим смакованием деталей.

Это попытка думать глазами.

Кстати, по первому своему образованию Алёхин — оптик. «Учился на оптико-механическом факультете Московского института инженеров геодезии, аэрофото-съемки и картографии», как сказано в его кратких биографиях.

Поэзия Алёхина возникла где-то на стыке первой волны русского верлибра (Айги, Бурич, Метс, Куприянов...) и минимализма (Ахметьев, Макаров-Коротков...).

Было, возможно, и влияние дальневосточной поэтической традиции — китайской и японской (около полутора лет Алёхин прожил в Китае).

И библейская тема, парадоксально сочетающаяся с ней.

Кажется, холм, на котором сидит Ной, глядя на долину, написан китайской тушью, а у самого Ноя — лицо китайского мудреца.

Один из них, Ван Вей — поэт, каллиграф и философ — тоже присутствует в новой книге. Тоже, как и Ной, сидит в старом халате, тихий и посторонний для мира. Называется стихотворение «Выключил радио и припомнил Ван Вея»:

сегодня вдруг
я почувствовал себя старым китайцем

в лачуге над речным перевозом
в бедном халате

пью чай из красивой чашки
с отбитым кусочком

запер веткой калитку
от дурных новостей

И еще — в этой книге, как ни в одной из предшествующих, присутствует тема старости.

Лет восемь назад Сергей Чупринин предлагал мне написать статью о поэтической старости. Тогда я этой идеей как-то не вдохновился. Теперь, сам начав «золотиться листвою», думаю об этом все чаще.

Старость в поэзии может присутствовать и как тема, и как особенности техники.

Как тема она может быть даже не связана напрямую с возрастом автора. Как это было, опять же, в классической китайской поэзии. «Поэт объявлял себя старцем в сорок лет... Поэтическая старость человека, полного сил, находящегося в духовном расцвете, позволяла поэту говорить о собственном своем приближении к смерти и о тяготах одряхлевшей плоти без трагизма сопричастности. Возникла поэзия старости, в которой жалобы были «эстетизированы», а на их фоне шли размышления о сути жизни и предназначении человека»¹.

Тема старости — независимо от того, когда она возникает в стихах (в сорок, пятьдесят, семьдесят...) — это опять же возможность иного взгляда. Умудренного, фиксирующего хрупкость и быстротечность сущего. «К старости зрение замещается памятью/ диоптрия за диоптрией». Эту возможность — зрения памяти, памяти зрения — Алёхин использует предельно полно. Его книга населена отслужившими свой век вещами: шкафами, пианино, старыми автомобилями «с никелированным ободком вокруг фар/ и оленем на капоте»; старыми людьми и даже состарившимися ангелами.

первый жёлтый лист можно поднять рукой
как упавшую салфетку

приставленный к тебе сызмальства
старый ангел
кряхтит

у него ломит крылья к дождю

Оптика старости тесно связана и с особым стилистическим регистром.

«...Графичность, детализация рисунка, камерность при склонности к умозрительному, отвлеченному складу мышления — таковы, по-моему, отличительные признаки старческой манеры

¹ Эйдлин Л. Китайская классическая поэзия // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худ. лит-ра, 1977. С. 200.